

Публистика

Валерий Иванов-Таганский

Модернизация в России: уроки истории

➡ ②

Особенно сильно поражают Болтина восхваления успехов иноземцев во время самозванцев. Ложь нередко источник предательства. Уезжая, упомянутый Шлецер успел тайно послать за границу речь Миллера, позорящую Россию, сумел перевезти сведения, составлявшие государственную тайну.

Подвёл черту под этой, выражаясь сегодняшним языком, агентурной деятельности Шлецер гениальный Ломоносов, который наряду с Татищевым возвращал русскую историю к подлинности. Ломоносов прибег к своей специальности, но не по химии, а по словесности. Перечислив вышеприведённые нелепые, обидные для русского самосознания «открытия» Шлецера, Ломоносов припечатал: «Из сего заключить можно, каких гнусных пакостей не наколобродит в российских дрёвностях такая допущенная к ним скотина».

Надо заметить, что известная метафора чёрно-белой составляющей в нашей истории совсем не придумана, она взята из фактов и событий. Так, не успела Екатерина Великая отойти в мир иной, как вскорости безжалостно убили самодержца Павла Первого, круто свернувшего своим указами с дороги, проложенной упомянутой Екатериной.

После убийства отца новый царь Александр I увлёкся масонством, стал мечтать о Конституции и принял преобразовывать Россию по европейским образцам. Александровская модернизация собрала вокруг него людей типа Сперанского, получившего «сильное теоретическое образование», готового бесцеремонно пересаживать на русскую почву кодексы Наполеона, переделывать служебников во французских чиновников; а ещё более близкий к Александру I поляк Чарторыйский раскинул по всей стране самую пагубную в русском смысле систему польского образования, испортвшую цели поколения. С тех пор атаки на образование проводились неоднократно и, вопреки блистательной советской школе, плавно докатились до нашего времени.

Отечественная война 1812 года во всю показала русский характер, силу российского оружия и государственности. Величие подвига народного, его полководцев: Кутузова, Багратиона, Барклая де Толли, – стало примером для всей Европы и мира. Патриотический подъём многое изменил. Уволили Сперанского, закатилась звезда Чарторыйского, но западноевропейские идеи, как раковая опухоль, оказались живучими. И вот уже появились декабристы. Пестель готов был раздробить всю Россию на федеративные области, причём прибавляя «к инородческим областям» русские, как Новгородскую и Тверскую – к Балтийским губерниям, а в пользу конституционной Польши поступаясь русским народом Западной России».

Всё это незначительное, но влиятельное либеральное меньшинство не давало себе отчёта в последствиях, которые «неминуемо произойдут от малейшего ослабления Верховной власти в стране, не имеющей кроме самодержавия никакой органической связи между своими частями».

Позже, уже в советское время этот теоретический опыт увенчался успехом во время горбачёвской

перестройки, когда связующая сила – КПСС – приказала долго жить. В те дни СССР развалился под радостное улюлюканье Запада, продемонстрировав предательской партийной номенклатурой откровенный пофигизм к героическому прошлому предков, создавших великую империю, в однажды превратившуюся по размерам в Московское княжество.

Двадцать лет нет СССР. Вместе с тем, кто только из ныне живущих не бранится в его адрес или не сравнивает ностальгически сегодняшний день с советским прошлым? Такой лояльный режиму писатель, как Дацюк Гринин в одной из телепередач сказал, что раньше были идеалы и идеи, а сейчас Российской Федерации выстроилась в хвост капитализму и тащится там без желания предпринять что-то основательное. А другого писателя, примерно этого поколения, Валерий Ганичев идёт дальше и убеждён в необходимости сего дня «создать объединяющую, вдохновляющую идею и, обозначив её контуры, определить вектор ее общественного развития страны». Сближает, на наш взгляд, их обоих ощущение исчерпанности многих форм нашего национального бытия.

Анализируя, что с нами сегодня случилось, с горечью думаем: а не был ли советский период с его Победой, космосом, атомной энергией, с его авторитетом в мире, достижениями в спорте и энтузиазмом – потолком развития русской цивилизации?..

Было у наших российских руководителей и ещё одно историческое недоружание: приступы благодушия. Вспомним, как Хрущёв отдал Крым, за который столько бились наши предки. И главное, никого из ответственных голов в тот момент не нашлось рядом, чтобы его сразу же отнять.

А вот рядом с Александром I, когда он, возвратившись в благодушном настроении из Варшавы, вознамерился присоединить Польше Западную Россию, ответственная Варшава отдала Крым, за который столько бились наши предки. И главное, никого из ответственных голов в тот момент не нашлось рядом, чтобы его сразу же отнять.

А вот рядом с Александром I, когда он, возвратившись в благодушном настроении из Варшавы, вознамерился присоединить Польше Западную Россию, ответственная Варшава отдала Крым, за который столько бились наши предки. И главное, никого из ответственных голов в тот момент не нашлось рядом, чтобы его сразу же отнять.

«Вы думаете, Государь, восстановить древнее Королевство Польское, но сие восстановление согласно ли с законом государственного блага России? Согласно с Вашими священными обязанностями, с Вашей любовью к России и к самой справедливости? Можете ли мы с мирной совестью отнять у нас Белоруссию, Литву, Волынию, Подолию, утверждённую собственностью России? Не клянутся ли государи блести целостью своих держав? Сии земли были уже Российской, когда митрополит Платон вручал Вам венец Монаха, Петра, Екатерины, которую мы сами называли Российской... Доселе нашим государственным правилом было: ни пяди ни врагу, ни другу! Наполеон мог завоевать Россию, но Вы, хоть и самодержец, не могли договором уступить ей ни одной хижине русской... Вы, любезная поклонность свободу гражданскую, уподобите ли Россию бездушной, бессловесной собственности... Я слышу русских и знаю их. Мы лишились бы не только прекрасных областей, но и любви к царю, остались бы душой к отечеству, видя оное игралищем самовластино-

го произвола, ослабели бы не только уменьшением государства, но и духом унизились бы пред другими и пред собой...»

Сын того, кому писал записку Карамзин, Александр II, 150 лет назад «совершил величую, но запоздалую реформу России: в величии реформы, – утверждает Ключевский, – великая историческая заслуга императора; запоздалости реформы великолепное историческое затруднение русского народа». Но общество решило, замечает Ключевский, что «Россия сошла со старых основ своей жизни и по этому решению настроила своё историческое мышление. Одно из них состояло в новом оправдании своего равнодушия к отечественному прошлому. А потом в этом самодовольном равнодушии истории был допущен один немаловажный исторический недосмотр. Любаясь, как реформа преображала русскую старину, недоглядили, как русская старина преобразила реформу. Старая русская приказная рутинка сказывалась в том, что важнейшие акты Верховной власти, внушенные доверием к здравому смыслу и нравственному чувству народа, изменились в своём смысле или искались в исполнении. Горжеством этой настойчивой работы старины (выраженной в отвращении к новому труду, воспитанному крепостным правом) над новой жизнью было внесение в нравственный состав нашего общества нового элемента – недовольства».

Как и наши дни, недовольство обострялось чувством бессилия поправить положение, в создании которого все участвовали и все умывали руки. Истинная подкладка этого недовольства очевидна: общий упадок благосостояния. При таком настроении не могло образоваться живой связи между русской историей, русским самосознанием и теми путями, которые можно было в обилии обнаружить при желании строить и созидать. И всё-таки это самосознание пришло: террор, учёный автору свободы императору Александру II, уступил грандиозному подъёму экономики, культуры и искусства. До первой мировой войны Россия была пятой экономикой в мире, а по темпу развития стояла на первом месте. И если бы не война, предательство и отступничество, где бы Россия была сейчас...

«В нашей истории, – пишет Ключевский, – я не знаю другой эпохи, которая произвела бы на русское общество такое сильное и притом двойственное действие, как Смутное время самозванцев. Русское общество и самосознание вышло из того потрясения разорённым и просветлённым, со страшной болью пережитым страданием и с обильным запасом новых опытов и мыслей. Недаром после Земского собора в 1613 году говорили, что теперь люди Московского государства «наказались все», то есть научились многому».

Судя по тому, как дальше развивалась история, и видя результаты нашего новейшего времени, думаю, что опять «наказались все» и вновь ничему не научились. Горе в том, что каждая смута делает ещё и другое своё дело: дальнейшее поколение несёт на себе тяжёлые следствия погрома, пережитого отцами.

Давайте зададим себе простой вопрос: готовы ли мы сегодня к модернизации? Ведь для неё необходима поддержка и вклад самых энергичных и изобретательных слоёв населения; одним указом сверху

modернизацию не проведёшь. «Модернизации, которые проводились насилиственным путём, они все в прошлом, – заявил президент Медведев в декабре 2009 года, – модернизация должна основываться на эффективности и на внутреннем желании людей. Это самое главное».

Трудно не согласиться с таким положением и верой в инициативу масс, в уровень демократических достижений в нашей стране. Однако двумя годами раньше, в декабре 2007 года, не будучи ещё президентом, Дмитрий Анатольевич в интервью иностранным журналистам говорил о необоримых проблемах нашей демократии: «Парламентская республика – это мое личное мнение – в России непримлема ни сейчас, ни в будущем. Вероятно, через 200 или 300 лет, когда идея демократии будет другой... Получается, что до парламентской демократии жить и жить, а вот злость нынешней в том, что она ещё не дружила, но у неё появилось «внутреннее желание», которое необходимо для успешного воплощения модернизации. Возникает вопрос: так у нас демократия, которая нужна, или другая? Хватит ей для эффективности и внутреннего желания модернизироваться или нет?

Да, нам действительно нужна модернизация. И тут президент абсолютно прав. Но давайте, опираясь на мнение специалистов, ответим на вопрос: что это такое? Хотется верить, что не лозунг, выдвинутый в качестве предвыборной PR-компании, или большие са-поги-скоходы, в которых можно прыгнуть с развалившейся печки и помчаться к кисельным берегам и молочным рекам. «Модернизация – это социальная мобилизация народа, это высокие духовные цели, это не пошлость, корысть и коррупция, а культура, каждодневное усиление найти что-то новое, освоить то, чего не умел, начать производить новую продукцию. Это настрой на конкуренцию, – это не столько сочинение программ, сколько повседневная работа об инициативных людях, будь то учёные или бизнесмены». Но и этого мало! Наша модернизация не должна плениться в хвосте Запада или быть его служанкой по части поставки «мозгов» и талантов, она должна быть новаторской, предлагающей новую стратегию опережающего развития страны. Одним словом, у народа, как говорили древние, должна быть великая цель: понимать, что справедливо, чувствовать, что прекрасно, желать, что хорошо.

В заключение заметим: история способна учить, лечить и всё ставить на свои места. На короткое время народное самосознание можно ввести в заблуждение, обольстить, ослепить мнимым изобилием, всполохом либеральных свобод и шоковой терапии. Можно даже на время его подавить. Но российский народ никогда не станет рабом чужой цивилизации.

У нас пока ещё есть небольшой запас времени, есть понимание ситуации. В этой связи мы не должны позволить установить транснациональным корпорациям контроль над экономической и политической системой страны, чтобы душить оборонный комплекс и превратить Россию в несколько «сувенирных» квазигосударств. Мы должны открыто говорить о наболевших проблемах, не бояться своего голоса. Только бы эти дебаты и эти инициативы не вышли из-под контроля, как случилось два десятилетия назад во времена горбачёвской перестройки. Главное – нам надо держаться вместе, восстановить измученную от невзгод пассивность, снова научиться хорошо работать, сделать Россию уверенной в себе страной, в которой народ будет строить своё будущее.

литературой, и те, кто считается признанным профессионалом в литературных кругах не только Белоруссии, но и в России, на Украине, в Казахстане...

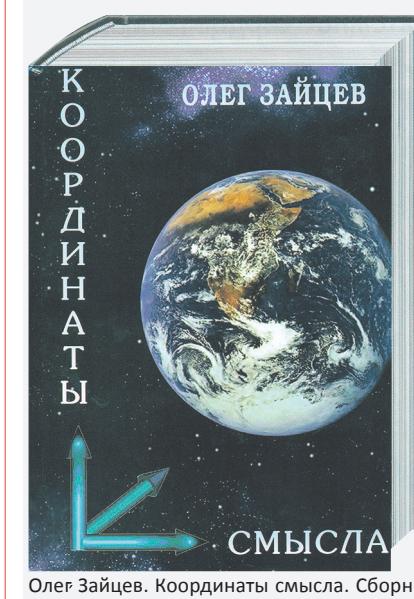
Жюри, не взирая на авторитеты, судило беспристрастно. Ведь за плечами у одних судей учёные степени и звания, у других – популярность, у третьих – реноме delegirovавших их структур. В числе тех, кто поддержал добное начинание Беллитсоюза «Полоцкая ветвь», были филологический факультет Белорусского государственного университета, Белорусский союз литературно-художественных критиков, Белорусская областная ассоциация, Полоцкий государственный университет, Институт журналистики БГУ...

Первым лауреатам премии имени Симеона Полоцкого Олегу Зайцеву и Михаилу Шнитко были вручены медали и удостоверения лауреатов премии, дипломы и подарочные наборы.

Напомним, это не первая награда О. Зайцева: он уже является обладателем международной Литературной премии им. Молодой гвардии, учреждённой Межрегиональным союзом писателей и Конгрессом литераторов Украины; имеет дипломы от Союза писателей России, Конгресса литераторов Украины, Российской-итальянской академии Феррони, Беллитсоюза «Полоцкая ветвь»...

Координаты смысла Олега Зайцева

Олег Зайцев. Координаты смысла. Сборник стихотворений. Минск: «Литературный свет», 2010. – 154 с.

Если писатель – нерв общества, то поэт – нейрон. Его стихи должны быть предельно векторными, направленными точно в цель, потому что у него нет возможности, подобно романистам, прятаться за пластами текста. Он должен уложить Вселенную в рифмованную строку. Перефразируя слова Густава Майрикна «молитва – стрела, направленная в ухо бога», можно сказать, что поэзия – луч, направленный в сердце человека. Поэт – фокусирующая линза процессов, происходящих в обществе.

Этот тезис применим к белорусскому автору Олегу Зайцеву и его книге «Координаты смысла». В хаосе мира поэт обозначает координаты для ориентации человека, не готового жить исключительно по принципу «Хлеба и зрелищ!». Зайцев принадлежит к авторам, которые используют поэзию не как самолюбование, а как инструмент для того, чтобы сделать мир чутьку добрее.

Олега Зайцева из вереницы поэтов выделяет наличие чётко выраженных убеждений. Его творчество целиком и полностью программино. Он не лавирует мыслью «ради красного словца», а доносит мысль, руководимую моральными чувствами.

стремом. В этом и заключается ответственность Олега Зайцева как поэта в сакральном смысле. Такой мастер слова свято сблюдает литературный кодекс чести: творить, создавая образы и изысканную словесность не ради сомнительного самовыражения, а ради читателя. Автор не отнимает у реальности последнего смысла, но даёт координаты, согласно классической традиции стихосложения. Он не пытается возвыситься над читателем, стараясь казаться выше. Правда, он не выходит за рамки стихотворения.

Но почему тогда, скажите мне, Я конформистов вижу повсеместно, Держащихся уверенно вполне Любых мировоззрений, нам известных? И отчего так жуликов полно, От проходимцев стало прямо тесно?

Позиция Олега Зайцева – не позиция агнца, посланного на заклание. Он не жалуется, но говорит о личной ответственности, помня, что поэт всегда был не только трибуном и глашатаем, но агитатором и революционером. Олег Зайцев критикует поражёнскую позицию покорного бездействия.

Куда там щуке, лебедю куда: Их не учили митингам и дракам, Но мы-то, мы за что же, господи, Иным дамёв себя поставить раком?

В стихах Олега Зайцева органично сочетаются революционная трибуность и душевная лиричность. Это гармоничное соотношение «материи» и «духа» текста. Одной из основных тем творчества автора является проблематика существования «я», самоидентификация через борьбу с окружающим миром, где, по меткому выражению поэта, «кругом не люди, а грибы».

Словно пени, идущие в ногу, Подражаем всем и везде: Подражаем Мамонне и Богу, Вторим Мраку и вторим Звезде. Оттого наши лица – личины (мы не в силах себя превозмочь), И, как дым от задумой лучин, Зыбкой тенью уносятся прочь.

Поэзия – реакция на девиации мира. Сегодня читателям не до поэтов, а поэтам – не до читателей. Отсюда частый уход в экспериментальную метафизику, когда порой в погоне за совершенством формы забывают о содержании. Однако лучшие поэты – совесть эпохи. В стихах Олега Зайцева срабатывает фильтр совести на ветер перемен обозначенено предельно чётко. Это позиция гражданина, реагирующего на изменения в обществе.

Пусть кризис продолжается и дальше, Безденекже, тебя я полюблю: Быть может, меньше будет этой фальши, В которой поклоняются рублю.

Поэзия надтерриториальна, но сами поэты привязаны к территории и той социальной среде, в которой пребывают. Олег Зайцев родом из Белоруссии, поэтому его стихи априори имеют ярко выраженный гражданственный оттенок.

Я куплю автомат и уйду в партизаны: Скотской жизни волна захлестнула совсем... Оттого всю неделю зверю иль пьяный И хрюлю прямо в